

18+

ЮЛИЯ СВАТОВА

КОРОТКАЯ ЖИЗНЬ

Юлия Сватова
Короткая жизнь

«Издательские решения»

Сватова Ю.

Короткая жизнь / Ю. Сватова — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-515565-8

Это история об опыте, о потерях, об удаче, о любви и о вере в лучшее. Это просто книга о жизни. Об одной жизни. О моей жизни.

ISBN 978-5-00-515565-8

© Сватова Ю.
© Издательские решения

Содержание

Конец ознакомительного фрагмента.

10

Короткая жизнь

Юлия Сватова

© Юлия Сватова, 2020

ISBN 978-5-0051-5565-8

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Короткая жизнь. Предисловие.

Это история об опыте, о потерях, об удаче, о любви и о вере в лучшее. Это просто книга о жизни. Об одной жизни. О моей жизни. Я писала её о себе. Для себя.

Если вам интересно – добро пожаловать!

Эпизоды расположены в том порядке, в котором они всплывали из глубин памяти. Я не буду их систематизировать. Как родились, так родились.

Коротко обо мне..., впрочем, ниже все обо мне...

Мама росла в интернате. Без личного времени и пространства. Она всегда мечтала иметь большую семью, полный дом друзей, детей, родственников. Ей за 60. Больше всего на свете она бьется одиночества. Она его не переносит на физическом уровне.

Я росла в большой семье, доме полном детей, друзей и родственников. С минимальным личным временем и пространством. Сейчас у меня не большая семья. Иногда я скучаю по друзьям, родственникам и полном и шумном доме, а еще я скучаю по недополученному одиночеству. Больше всего на свете я боюсь, что меня «разберут на кусочки» и я закончу свои дни в сумасшедшем доме. Слишком много людей я не переношу на физическом уровне.

У меня растёт сын. В маленькой семье. У него уже есть личное время, но пока нет личного пространства. Чего он будет бояться больше всего? Что не будет переносить на физическом уровне?

Зарисовка из юности. Мне около 18. Сажу в зале. Здесь почти вся семья: мама, папа, бабушка, собака, кот. Брата нет. У него есть убежище – своя комната. Встаю, иду на кухню. Через минуту за мной идет бабушка, за ней собака. За собакой кот. Через некоторое время возвращаюсь обратно. Все за мной. В том же порядке. В том же составе. Мама украдкой смеётся. Я украдкой хочу умереть. Я должна всех понять, всех простить. Бабушку, которая старенькая, кота и собаку, которые животные. Я всех люблю. Всех понимаю. Меня не понимает никто. Мне никто не должен. Я прощаю всех: бабушку, потому, что старенькая, собаку и кота потому, что животные. Не прощаю маму, не за то, что смеётся, ведь и вправду смешно, да? за то, что не может понять. За то, что я должна. Я люблю ночь.

Мне толи 7, толи 8 лет. Хочу сшить наряд для куклы. Прячусь в родительской комнате за большой кроватью. Через некоторое время слышу бабушкины шаги. Нужно успеть спрятать лоскутки, ножницы, иголку. Если она меня «застукает» кукла опять останется без наряда.

Бабушка очень хочет научить меня шить. Шить хорошо, красиво, правильно, аккуратно, как и положено прилежным девочкам. Как учили ее. Как она учила свою дочь, свою старшую внучку. А потом подросла я...

– Сынок, давай нарисуем крышу вот так.

– Я не хочу рисовать так, – раздраженно кричит мой трехлетний сын.

– А как ты хочешь, дорогой?

– Я хочу, как я хочу!

Я целую его в макушку и иду заниматься своими делами. Я ненавижу шить.

Мне 3—4 года. У меня в гостях друг Женька. Мой отец подкидывает его вверх. Женька радуется и хохочет. Я жду своей очереди, которая так и не наступает. Наверное, играют только с гостями. Мама – вот красивые чашки только для гостей достает...

В гостях отцы играют со своими детьми. Я та, с кем не играет никто, да и отца у меня уже нет.

Пойду, поиграю с сыном про запас. Я конечно не отец, но мало ли...

Мне 23. Засыпаю на тонком матрасе, на полу съемной квартиры. Из мебели стол, табурет, импровизированный шкаф из досок и книг.

Мама в панике: я остаюсь ночевать одна в незнакомой квартире, просила остаться еще одну ночь дома.

Я в панике: а вдруг мне все это снится, и я вот-вот проснусь и все исчезнет... Но это не сон.

Как мало нужно для счастья. Эту ночь я не забуду никогда. Открытое окно, запах осени. Запах свободы.

Софка.

В детстве была у меня подруга, Софка. Странная у них была семейка. Мне многие тогда казались странными. Это теперь не странные, а разные. Это были нищие, полуголодные 90-е... у всех в нашем дворе.

В Софкиной семье мороженое покупалось редко, но если покупалось, то только дорогой пломбир, а простому молочному стаканчику в их жизни места не находилось. И конфеты Софка ела не абы какие, а только дорогие, остальные отвергала презрительно, сморщив носик. Но не абы какие конфетки в ее детстве случались редко, как собственно и в нашем.

Свой первый пломбир я попробовала в гостях, а вот молочных стаканчик был, наверное, моим самым частым лакомством того времени. С конфетами тоже особо не церемонилась, как говорить хорошо, что вообще есть.

Мне 33. Ровно год я не пользовалась духами – не было. Все деньги, подаренные на день рождения, я потратила на «Lacoste».

Бабушка

Мне 3 месяца от зачатия. Моего появления на свет не хочет никто кроме мамы. Бабушка третирует маму и гонит на аборт. Мама не сдаётся.

Мне 3. Я «не садовский» ребенок. Бабушка бросает работу.

Мне 13. Моя непохожесть на других внуков сводит бабушку с ума. Я отродье своего отца. Узнаю, что я не всеми желанный ребенок. Ненавижу бабушку, за то, что не хотела моего появления. Ненавижу маму, за то, что родила. Ненавижу себя за то, что родилась.

Мне 23. Помогаю Бабушке мыться. Терпеливо отвечаю на все её вопросы про компьютер (любопытная у меня бабуля). Бегаю в магазин за йогуртами, читаю ей вслух Дюма. Пока не видят родители, вместе едим Ролтон.¹

Мне 33. Нестерпимо тоскую по бабушкиным сухим и теплым рукам, особенно когда болею. По ее сказкам. По ее историям, которые случились так давно, что казались сказками. По тем минутам, когда ты, приходя к бабушке, вдруг из такого взрослого и самостоятельного вмиг становишься маленьким и беспомощным, и тебя поят теплым чаем с малиной, кормят

¹ В данном случае имеется в виду лапша быстрого приготовления

блинчиками, прижимаю к сердцу. Не задавая глупых вопросов и не давая ненужных советов, просто любят, как могут только они – бабушки.

Мне 18. Август. Звездопад. Наверное, самый сильный звездопад за всю мою жизнь. Загадываю желания. Самые заветные, самые сокровенные.

Мне 19. Желания начинают сбываться. Я счастлива.

Мне 21. Желания продолжают сбываться. Я в ужасе.

Мне 29. Приходит окончательное понимание того, что звездопад, снегопад, день рождения и даже Дед Мороз с Новым годом не причем. Мы сами себе Дед Мороз.

Мне 34. Задувая свечи на торте, не забываю загадать желание. Самое заветное, самое сокровенное...

В восьмом классе (или в девятом) впервые узнала, что люди умеют плакать... от счастья. Первая моя, за всю жизнь, годовая четверка по русскому языку. Бабушка плакала. Бабушка в юности учитель русского.

Ты ушел от меня к рыжей женщине хромой... (Ю. Чичерина)

Мало того, что ты УШЕЛ от меня к ней. Ты благородный, а мне больно.

Так ты еще ушел от меня к НЕЙ. Это уже обидно.

Смущаясь, ты просишь прощения. Странно.

Разводишься. Закономерно...

Тебя опять клеймили, ой, прости, женили. Забавно.

Хорошо, что мне больше не больно, наблюдать за тобой интересно.

Здравствуйте мама и папа, писала курица лапой (автор-?)

Бабушка с тяжелым вздохом проверяет мою тетрадь. В очередной раз выговаривает мне за мой корявый (да, именно корявый) почерк. Она всегда проверяет мою «домашку». Она всегда выговаривает. Искренне стараюсь писать ровно. После второго слова буквы предательски ползут в разные стороны, после второй строчки жутко устают пальцы, а после второго предложения все становится на круги своя: вкривь и вкось.

Однажды в порыве отчаянья бабушка «вспоминает» замечательную историю о чудесном исправлении своего почерка. С той поры эта история с удовольствием рассказывается мне при любом удобном и не удобном случае.

История была действительно замечательной, и я решила записать ее. А руководитель кружка журналистики, где я занималась в то время, с удовольствием опубликовал ее в местной газете.

Так я начала писать и не могу остановиться до сих пор. Жаль только почерк у меня корявый.

Развод.

Мне 27 или коло того. Мой старший братец развелся после 12 лет совместной жизни. Днем он работает и держится «бодрячком», а с наступлением вечера на него нападает ностальгия, тоска, отчаянье и еще много неприятных эмоций сопутствующих разводу, с которыми он не в силах справиться сам. Часам к десяти вечера эмоции достигают апогея, и он звонит... конечно же сестренке, которая всегда приедет и никогда не откажет...

Мчусь через весь город. Пьем красное вино, говорим. Утешаю, подбадриваю и слушаю, слушаю, слушаю... Это все, что я могу ему дать, да собственно это все, что ему сейчас необходимо.

Возвращаюсь домой за полночь, бесшумно, почти не дыша открываю дверь, с единственной мыслью поскорее добраться до кровати и забыться крепким сном, на те несколько часов, что остались до начала рабочего дня. Прохода в обход кухни нет. На кухне держит оборону мама, атакованная ностальгией, тоской, отчаяньем и множеством неприятных переживаний,

сопутствующих разводу любимого сына. Я мобилизуюсь и утешаю, подбадриваю и слушаю, слушаю, слушаю... хоть сил больше нет... надежды выспаться тоже нет. Завтра, или после завтра позвонит братик сестренке, которая всегда придет и никогда не откажет. Со временем брат стал справляться все лучше, звонить все реже. А прохода в обход кухни по-прежнему нет...

Отец.

Мне три. Мама на работе во вторую смену. Сажу на полу в коридоре, прижавшись спиной к стене. Уже не плачу, слишком страшно, чтобы плакать, да и сил плакать больше нет. Бабушка в кухне «разбирается» с пьяным отцом. Бабушка не боится никого. Мне не важно, чем закончатся их «разборки». Все чего я хочу в эту минуту, что бы мама никогда не возвращалась домой. Отец грозит выкинуть маму с балкона. Мы жили на 9-м.

Мне 34. Знакомая знакомой маминой знакомой сообщила новость. Мой отец лежит в реанимации, ампутировали одну ногу, покушаются на вторую. Впала в ступор. Я не знаю, что чувствовать. Перебираю все знакомые чувства, но подходящего так и не находится. Даже спросила у коллег, все теряются с ответом. Я не чувствую ничего. Но ведь я должна что-то чувствовать? Да?

Мне не знаю сколько. Наверное, большую часть жизни. Так мало учитываются мои интересы. Так мало времени на себя. Так много хотят от меня реакции. Всю жизнь. Всю жизнь я кому-то, что-то должна. Нет, рябят, не должна. Я не занимала.

Какая простая мысль – «Я не занимала». Как же поздно она пришла в мою мысль.

Сыну 3. Он счастлив. Мне 33. Похоже, я зануда.

– Не бегай по лужам!

– А почему?

Действительно, почему нельзя бегать по лужам? Мы идем домой, в прогулочной одежде и ноги он не промочит. А если и промочит, то замерзнуть не успеет, а если и замерзнет, то не обязательно от одних замерзших ног надо болеть... вроде все логично. Но так хочется сказать: «Не бегай по лужам!», нет, это не я говорю, это во мне говорит моя мама, а в ней говорила ее мама..., и я сдерживаюсь. Сдерживаюсь из всех сил. И изо всех сил стараюсь вспомнить, как это здорово, скакать по лужам!

А сын скачет по лужам. Он счастлив. Я тоже. Только лужи обхожу стороной, мокрые они все-таки.

Отец.

Мне 34. Август. Похороны. Плачет только его старшая сестра. Плачет с причитанием, периодически отвлекается, видимо устав от причитаний, разглядывает «пятнышко» на рубашке покойника, иконки в его руках, надписи на саване. Остальные присутствующие, смахнув скупую слезу (вряд ли по покойному, скорее по смерти в принципе, как неизбежному факту) стоят с задумчивым видом. Каждый думает о своем и немного о вечном.

Смотрю на покойника. Злюсь. Злюсь как никогда в жизни! Сжимаю руки, ногти впиваются в кожу, пальцы белеют. Как же я зла! Как я его ненавижу в эту минуту! Как хочется закричать! Как как ты посмел не любить меня!? Умереть и уже никогда не полюбить меня!? Ведь я твой ребенок! Единственный ребенок! Как ты мог!

Собравшиеся искоса поглядывают на меня, ждут... Отец и дочь встретились через 10, 15, 20 лет... никто из них не знает точно. Знаю я. Прошло 10 лет, после нашей последней встречи. Тогда он тоже не выразил радости по поводу моего присутствия, хоть и был на порядок живее.

Сильнее сжимаю губы. Не дождётесь, драмы сегодня не будет. Для вас не будет.

Прощание, чтобы простить. Простить за 30 минут все, что копилось 30 лет... слишком сложно... слишком много времени прошло, слишком мало времени осталось...

Зачем мне любовь этого опустившегося человека, который всю свою жизнь любил только себя и алкоголь? Хотя может и кого-то еще он и любил, но не меня это точно.

Я почти спокойна. Скоро все закончится. Выхожу подышать. Возвращаюсь, встаю около женщины с девочкой лет 14. Это его племянница и ее дочь. Обе спокойны, здесь все спокойны. Подросток с любопытством разглядывает обстановку, шепотом задает матери вопросы. Любопытство свойственно ее возрасту. Я слишком близко, мне все слышно. Из их разговора понимаю, что она видела его недавно! Совсем недавно!

Я знаю, он жил в доме один. Значит, он не настолько опустился. Значит, к нему приходили гости или он ходил в гости. Значит, в его жизни нашлось место, нашлось время, пусть даже случайное, мимолётное, для кого-то. Только для дочери не нашлось...

Память убить нельзя. Я помню... мне 3 или 4 года. У меня в гостях друг Женька. Мой отец подкидывает его вверх. Женька радуется и хохочет. Я жду своей очереди, которая так и не наступает... ни сегодня, ни потом...

Для меня, только для меня, не нашлось времени, не нашлось тепла, не нашлось любви. Ни тогда, ни 30 лет спустя...

Держусь из последних сил. Выносят гроб.

Я ошиблась. Драма сегодня будет.

Папочка.

Мне 34. Понедельник. В субботу у моего папы был день рождения. Мы с сыном не смогли прийти. В обеденный перерыв мчусь за подарком, вымокла под дождем, стерла ноги и опоздала с обеда. Я успела его купить, я счастлива! Папе понравится!

Вот и конец рабочего дня, тороплюсь к родителям, по дороге покупаю торт и коньяк. Дорогой коньяк, папа любит коньяк... Скоро закончится лимит на кредитке. Слишком много долгов, но это сегодня не важно. Я мчусь к папе.

Вечером прощаясь, как всегда целую его плохо побритые щеки (наверное, зрение уже подводит) шучу и смеюсь, но обнимаю чуть дольше, чуть крепче. Опять шучу, папа смеётся, а я мысленно, как заклинание, повторяю: «папочка милый, только живи, живи долго-долго, не оставляй меня, прошу, только не оставляй!». Папе 73.

У папы для меня всегда было и есть время и любовь. Для меня. Несмотря ни на что.

92-й год. Сентябрь.

Мама работает на двух работах, возвращается домой за полночь. Я стараюсь не уснуть и дожидаться ее, бабушка старается усыпить меня, утром в школу. Мамочку я вижу только утром. Пока я полусонная завтракаю, мама заплетает мне косички. Волосы у меня мягкие и пушистые, я такая родилась. Руки у мамы сухие и наэлектризованы, такими их сделала работа. Из-за этого мои волосы сильно магнитятся и путаются. Мама мочит их водой и старается не сделать мне больно, я стараюсь не ныть. Это то небольшое время, которое мы можем провести вместе.

После завтрака мама отводит меня к подружке-однокласснице, её бабушка ведет нас в школу. Мама бежит на работу.

После школы я протоплюсь домой. Если быстро-быстро собраться после уроков и нигде-нигде не останавливаться, то можно успеть застать дома МАМУ. Мама приходит обедать домой. Мама успеет обнять и поцеловать, а если сильно повезет, то можно успеть поделиться ценной информацией о школе.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.